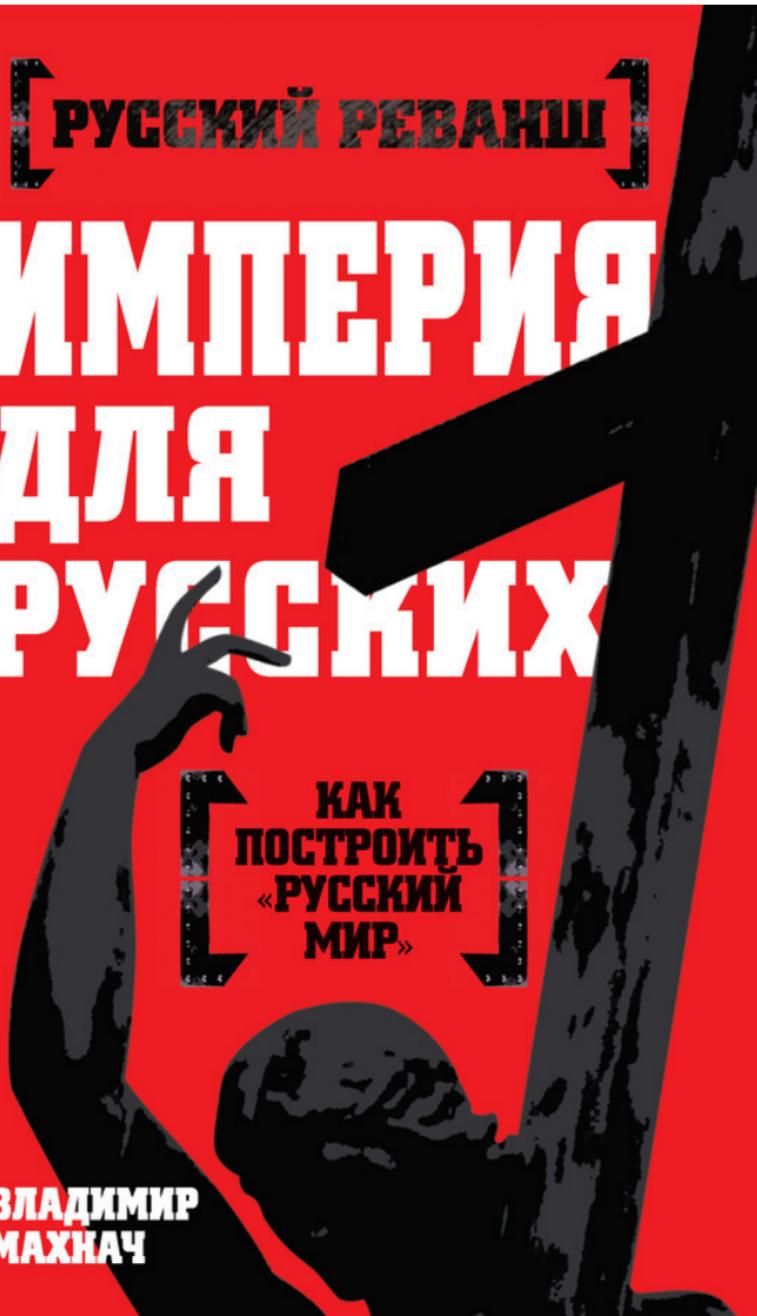

[РУССКИЙ РЕВАНШ]

ИМПЕРИЯ ДЛЯ РУССКИХ

**[КАК
ПОСТРОИТЬ
«РУССКИЙ
МИР»]**

**ВЛАДИМИР
МАХНАЧ**

Владимир Леонидович Махнач

Империя для русских

Серия «Русский реванш»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9964295

Империя для русских / Владимир Махнач: Алгоритм; Москва; 2015

ISBN 978-5-906798-10-7

Аннотация

Владимир Махнач – историк и православный публицист – оставил после себя богатейшее наследие. Оно до сих пор толком не систематизировано. Его лекции и по сей день передаются из рук в руки, несмотря на то что Махнач стал одним из мощнейших идеологов «Русского мира» в конце XX века. Но нет пророка в своем отечестве. Махнач умер, когда его идеи казались многим чересчур экзотичными. «А что, если Россия опять вернется к имперским амбициям? Я бы ответил так: если она вернется к имперскому сознанию, то честь ей и хвала, а если только к амбициям – тогда плохо» (В. Махнач).

Содержание

Социальные традиции в русской культуре	5
Корни традиции	5
Общество домонгольской Руси	9
Предпосылки демократических традиций	17
Восстановление демократической составляющей верховной власти	19
Петровский бюрократический переворот и его последствия	23
Дальнейшие тенденции XVIII века	29
XIX век и его социальные тенденции	31
Эпоха великих реформ	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Владимир Махнач

Империя для русских

© Махнач В., 2015

© ООО «ТД Алгоритм», 2015

*** * ***

Социальные традиции в русской культуре

Корни традиции

У каждого этноса есть свои этносы-предки. Нашими основными прямыми предками являются славяне. Что же касается предков самих славян, то два из них устанавливаются легко, а третий – гипотетически (его большинство историков сейчас не считает предком славян, тогда как в начале века доминировала противоположная точка зрения).

Во-первых, это – прото– или праславяне, которые, возможно, называли себя «венедами». Письменных источников этого народа нет, поэтому поручиться за то, что они себя называли именно так и никак иначе, мы не можем, но этноним «венед» древнее этнонима «славянин», и они одного и того же корня «вене». История этого народа практически не известна, хотя нетрудно предположить, что его этнический подъем начинается еще в начале II тысячелетия до н. э., в период Великого арийского переселения. Следы пребывания венедов в Центральной Европе – Вена на Дунае и область венетов (венедов?), т. е. Венеция, в Северной Италии. Разумеется, из этого не вытекает, что от Северного Причер-

номорья или от Карпат и до Северной Италии жили одни только предки славян. Скорее всего, это были обособленные анклавы. Но Дунай, безусловно, – старинная славянская река, о чем свидетельствует фольклор (древнейший пласт былин связан с Дунаем).

Во-вторых, это – кельты, жившие в последние века до н. э. на территории Польши, Белоруссии и вообще по западной части нашей страны (их упоминает Геродот). Память о кельтах (галлах) – топонимы Галич, Галиция.

В-третьих, это – сарматы Северного Причерноморья. Так же, как и первые два предка славян, сарматы – индоевропейский народ, однако это восточные арийцы иранской группы. Прямыми их потомками являются осетины.

Наши прямые предки славяне начали свой этногенез, как сейчас полагает большинство историков, где-то между II веком до н. э. – I веком н. э. (датировка Л. Н. Гумилева – I век н. э.). Формировались они в необычайно спокойных условиях на редко заселенных тогда равнинах к северу от Черного моря, где если с кем и имели в начале своего этногенеза неприятности, то только со скифами. Вероятно, поэтому фаза их пассионарного подъема оказалась очень растянутой. Она длилась вплоть до Великого переселения народов (IV–VII вв. н. э.). Со спокойными условиями формирования, видимо, связаны и этнические стереотипы славян – в частности, весьма ослабленный государственный инстинкт (почти как у кельтов, которые проигрывали многим наро-

дам именно в силу неумения и нежелания консолидироваться до уровня устойчивой государственности). Из потомков славян ослабленный государственный инстинкт сохранился в этническом стереотипе поляков. У них есть даже поговорка: «Польша стоит беспорядком».

Одним из распространеннейших мифов исторической науки и публицистики является представление, будто славяне, да и вообще все предки русских, – исконные земледельцы. Однако этому представлению не соответствуют ни археологический материал, ни древнейший памятник отечественного права (славянского времени) «Русская правда» Ярослава Мудрого. Источники говорят, что огромной ценностью славян были стада и табуны, но никак не земля. Более того, славянам была присуща общинная форма землевладения, что говорит лишь об одном: у славян были очень прочны стереотипы скотоводческого народа. Они были им свойственны никак не меньше, чем германцам первых веков н. э. (описанным Тацитом в работе «Германия»), у которых понятия «собственность на землю» не было. Общинная форма землевладения – устойчивая традиция всех ранних индоевропейцев, в большей или меньшей степени сохранявшаяся. У славян она сохранялась долго. За неприятием как славянами, так позже и русскими безусловной отчуждаемости земли стоят сохранившиеся скотоводческие стереотипы. «Земля – божья, потом – русская (или германская и пр.), потом – общинная, а вот быки мои, и горе тому, кто в этом усомнит-

ся!» – такой стереотип очень распространен у индоевропейцев даже в начале нашей эры. Не случайно у древних греков эпитет, означавший необычайно красивую девуцу, в переводе звучал, как «стобыковая», т. е. такая невеста, что не жалко за нее родителям отдать 100 быков!

Откуда же взялось утверждение об исконно Земледельческой сущности славянского хозяйства и поведения славян? Оно представляет собой идеологему, которая была создана очень поздно – во времена складывания крепостничества и радостно подхвачена в советские времена – времена некрепостничества. Появление этой идеологемы обусловлено тем, что земледельцы, по сравнению с людьми, занятыми всеми остальными коренными способами жизнедеятельности (охотниками, рыбаками, скотоводами, ремесленниками), наиболее удобоугнетаемы. На самом же деле общество славян Древней Руси, прежде всего, было обществом свободных людей, хотя отнюдь не обществом социального равенства. (Кстати, термин «Древняя Русь» применим только к «Киевской Руси» или «Руси домонгольской». Определение «древнерусский» ко всему, что было до Петра I, лишено всякого смысла. От Древней Руси нас отделяет очень многое, в том числе и смена ведущего этноса.)

Общество домонгольской Руси

Главной ценностью в домонгольской Руси являлась свобода. «Русская правда» (не только гражданский, но и уголовный кодекс того времени) не знает тюрем, телесных наказаний, однако знает смертную казнь – явление тогда довольно редкое. Кроме того, «Русская правда» в качестве наказания знает изгнание и виру (штраф).

Изгнание – наказание, если влечет за собой утрату прав. В складывающейся городской Руси это не менее тяжкое наказание, чем в Античном мире. Что касается виры, то вира за убийство свободного человека составляла 40 гривен – сумму очень большую, большую, чем стоимость хозяйства земледельца-смерда (в этом случае за него расплачивалась община). Вира за убийство женщины была вдвое меньше – 20 гривен, но и это очень много. Однако интересно, что 40 гривен составляла вира как за убийство княжего дружинника, так и простого смерда, а 20 гривен – за убийство как боярыни, так и жены, скажем, кузнеца, т. е. социально вира была одинакова. Вира же за убийство холопа любого пола составляла 5 гривен его владельцу (это была просто компенсация за утрату раба). Иными словами, в домонгольской Руси самая принципиальная грань проводилась между свободными и несвободными.

Другая принятая тогда норма: вира за нанесение «синей

раны» (т. е. синяка) выше, чем за нанесение «раны кровавой». Для нас это непостижимо, а для общества подчеркнуто свободололюбивого понятно – синяк позорен, в отличие от кровавой раны.

Еще одна норма: если на вас напали с палкой, вы имеете право ответить мечом. Такая унижительная норма современного уголовного законодательства, как превышение меры необходимой самообороны, была бы для того мира просто непонятна. В отличие от нас, это были свободные люди, поэтому им и в голову не приходило, что возможны какие-то ограничения в случае самозащиты.

Мир домонгольской Руси был городским, став таковым очень рано. С вопросом о возникновении первых городов связан вопрос о начале русской государственности. Поэтому отдельные гипотезы, например, указание польского хрониста XV в. Мацея Стрыйковского об основании Киева в V в., многие представления изменили бы, но иных доказательств столь раннего основания Киева нет. Тем не менее, в VIII в. города уже существуют, и, следовательно, с VIII в. исчисляется русская государственность. А в XII в. их было почти 400, и от 1/5 до 1/4 населения Руси жило в городах. Не случайно скандинавы называли Русь страной городов – Гардарики. После иноземных вторжений XIII в. мы несомненно вернемся к столь высокому проценту городского населения.

В XI – XII вв. не только русская культура, но и цивилизация были выше, чем в любом уголке Западной Европы.

Мы достигли тогда, видимо, поголовной грамотности городского населения, а на Западе грамотность была почти привилегией духовенства (в XI в. там еще встречались неграмотные короли). Русский город был не похож на западный. Он куда в большей степени связан с сельским хозяйством и не противопоставлен сеньору. Дело в том, что по мере роста богатства на транзитной торговле IX – XI вв. город становится сильнее князя, и князь – не сеньор городу, а прежде всего глава городского управления.

Городской характер Руси, доминирование города над князем, славянские стереотипы весьма ослабленной государствообразующей традиции привели к тому, что домонгольская Русь состояла из многих государств (государством в ней было каждое княжество).

Другой миф, к сожалению, вьезшийся в школьные учебники и программы, – представление о том, что некогда существовало единое государство Киевская Русь, а потом оно феодально раздробилось. Но такого государства не существовало никогда! Базируется этот миф на одном тексте Начальной летописи, где сообщается следующее: Олег (родич или воевода, приближенный Рюрика) переселяется с наследником Рюрика Игорем из Новгорода на юг, хитростью захватывает Киев, убив Аскольда (кстати, первого князя-христианина, известного в истории Руси; его звали Николай), и вокняжается в Киеве. Все, вероятно, так и было – у нас нет оснований не доверять Летописи. Но в Летописи ни слова не сказано

о том, что, получив власть в Киеве, Олег сохранил хотя бы тень власти в Новгороде. Мы вообще не знаем о Новгороде ничего с этого момента и до конца жизни Святослава, т. е. примерно в течение 100 лет. И Святослав, который рассказывал сыновей на различные княжеские столы, и Владимир, который вел себя, как его отец, и Ярослав, который следовал политике своего отца и деда, поступали так не из чадолюбия. Будучи разумными и весьма не бездарными политиками, они расширяли сферу своего влияния и не дробили, а объединяли русскую землю, и другого пути, кроме как пропихнуть на свободный княжеский престол брата или сына, у них для этого не было. Они не могли посадить на престол своего боярина (наместника), чтобы управлять его руками – его бы никто не принял, ибо в том мире все решал город. Уговорить город принять князя или даже оказать на город давление, чтобы тот принял нужного князя, было можно, а управлять городом дистанционно – нельзя (любого наместника город попросту бы выгнал).

В действительности, домонгольская Русь – это конфедерация земель. Вместе с тем это и вполне единая Русь. Она единая:

Во-первых: этнически. Видимо, в домонгольской Руси был не один этнос, а два (славяне и русы), но этот альянс или симбиоз двух народов проходил через все княжества.

Во-вторых: культурно. Разговорный язык и язык книжности были одинаковы для всего населения домонгольской Ру-

си.

В-третьих: религиозно и церковно-канонически. Вся домонгольская Русь была одним митрополичьим округом, т. е. митрополит был один – в Киеве, и даже патриарх был общий для всего населения – правда, в Константинополе. Следует отметить, что одномоментного крещения Руси при Св. Владимире в 988–989 гг. не было. Начало процесса христианизации Руси относится к I–XI вв. н. э. (Северное Причерноморье), а с конца X в. уже вся Русь становится страной христианской культуры.

В-четвертых: экономически. Единая монетная система действовала на всей территории Древней Руси. Кроме того, ее пронизывали транзитные торговые пути (Днепровский транзит – путь из варяг в греки – общеизвестен, но в 1970-х гг. было окончательно доказано, что Волжский транзит древнее и мощнее; были и менее значительные транзиты, например, Западно-Двинский).

В-пятых: юридически. Русь представляла собой единое правовое пространство, в котором действовали «Правда русская» и «Мерило праведное».

В-шестых: династически. Русь была объединена единой для всех династией Рюриковичей. Как бы ни враждовали князья, какие бы усобицы ни устраивали, официальная форма дипломатического обращения князя к князю «брат» сохранялась.

Однако домонгольская Русь никогда не была объединена

политически и не имела общей столицы, ибо политическая мысль того времени не допускала статуса князя над князем. Великий князь Киевский был лишь первым и наиболее уважаемым среди князей. Но после него были второй, третий, четвертый князь и далее в порядке патриархальной лестницы. Двух равноправных и равноуважаемых князей среди них не было, но «все князья обладали принципиально равным правом княжить» (определение В. О. Ключевского).

XIII век принес нам разорение. Упадок ремесла и упадок торговли, подгоняя друг друга, образуют порочный круг. Русь городская уходит в небытие, на ее место приходит Русь достаточно аграрная. Какое разорение было более тяжким – от ордынских нашествий или от нашествий со стороны Запада? Иными словами, прав ли был Александр Невский, выбрав ордынскую ориентацию, хотя вообще-то мог выбрать и западную? Обратимся к статистике.

Сейчас науке известны более 350 каменных зданий домонгольской Руси (в основном, храмов, хотя есть и дворцы, а также постройки непонятного назначения). Примерно $\frac{2}{3}$ этих зданий расположены в коренных русских землях по Днепру, Десне, Западной Двине, т. е. на территории нынешних Украины и Белоруссии, и $\frac{1}{3}$ – в великорусских землях, включая новгородский северо-запад, что не удивительно. Большая часть зданий лежит в земле (сохранились лишь фундаменты и нижние части стен), в архитектурном объеме сохранились только 30 каменных храмов (менее $\frac{1}{10}$

от 350). Однако сохранившиеся храмы расположены с точностью до наоборот: $2/3$ – в великорусских землях и только $1/3$ – в западнорусских. А еще известны науке 30 икон домонгольского письма, все до единой великорусского происхождения. Ни одной древней иконы не дошло до нас из западнорусских земель, как не дошло и ни одной древней книги с миниатюрами.

Разумеется, в войнах и стихийных бедствиях гибнут книги, памятники архитектуры и живописи. В великорусских землях, где признавали власть Орды, русская культура, конечно, тоже страдала (были и пожары, и войны, и в т. ч. ордынские разорения городов), но что-то, тем не менее, сохранялось. Однако в западнорусских землях, где памятников культуры было больше, русская культура страдала не только от войн и стихийных бедствий. Ее уничтожали целенаправленно, поэтому там памятников сохранилось куда меньше. Вот цена пребывания восточных христиан в составе западного мира!

На XIII в. приходится начало этногенеза русских. Их основными этническими предками, как уже говорилось, были славяне, а также балты и угро-финны. До прихода славян область расселения балтов простиралась преимущественно к западу от Москвы, а угро-финнов – к востоку (уже г. Можайск имеет имя балтского корня). В отличие от славян, русские начинают свой этногенез в предельно жестких условиях – в условиях иноземных нашествий со всех сторон и пото-

му, видимо, с самого начала приобретают мощный инстинкт государственного созидания. В результате, уже к концу XV в. (всего лишь за два века!) заканчивается созидание России как державы.

Предпосылки демократических традиций

Во времена Высокого Средневековья с ослаблением городов, с резким уменьшением процента городского населения становится малозаметна демократическая составляющая власти. Однако сохраняется сельский, а возможно и волостной сход, а в городах складываются свои структуры гражданского общества – сотни и слободы с выборными старостами. Существует и некая демократическая традиция судопроизводства. Во всяком случае, Судебник 1497 г. воспрещает судье вести процесс без участия «лучших людей» общества. Мы здесь наблюдаем некую зачаточную форму суда присяжных. Причем Судебник, видимо, лишь зафиксировал сложившуюся практику, как он сделал это и в отношении других норм в других своих статьях. Тем не менее, говорить о возвращении к развитым тенденциям самоуправления можно только с середины XVI в.

В знаменитых реформах Избранной рады самоуправления целиком переходит в руки выборного начальника. Так, главой волостного самоуправления становится земский староста, избираемый из круга местных дворян, а помощниками его – земские целовальники из зажиточных местных крестьян. Если земский староста подобен испанскому алькальду, то англосаксонскому шерифу подобен губной староста –

глава полицейской службы и судья по простым вопросам, по несложным делам. Он также избирается из круга местных дворян, а губные целовальники (помощники шерифа) – из местных крестьян. Развитая система самоуправления существует вплоть до петровского переворота, и существует она на фоне чрезвычайно низкой бюрократизации на местах.

Правда, в городах назначаются коронные представители (воеводы). Однако даже в крупном городе, типа Нижнего Новгорода, был один воевода и один дьяк воеводской канцелярии. Вероятно, они располагали каким-то обслуживающим персоналом, но прежде всего это были не чиновники, а местная воинская сила. Например, известно, что в середине XVII в. для созыва выборщиков перед Земским собором рязанский воевода Огарев рассылал по станам пушкарей, что говорит о ничтожности его бюрократического аппарата. Есть несколько примеров конфликтных ситуаций, когда в процессе выборов на Земский собор воевода опирался на местную воинскую силу (так было, например, при выборах на Уложенный собор в 1648 г.). Но характерно, что в этих случаях верх одерживали земские выборные власти.

Восстановление демократической составляющей верховной власти

Возможно, первый немногочисленный и краткосрочный Земский собор рассматривал Судебник 1497 г. (косвенные свидетельства тому есть), однако масштабный Земский собор впервые собирается в 1550 г. Земский собор восстанавливает своим появлением триаду верховной власти, наряду с монархом и Боярской думой, т. е. восстанавливает Полибиеву схему, но уже в масштабах единого государства (можно даже сказать – империи).

Земские соборы весьма напоминают ранние сословные представительства в Западной Европе. Те бывали одно- и двухпалатными, двух-, трех- и четырехкуриальными. Русский Земский собор представляет собою собрание двухпалатное четырехкуриальное.

Верхнюю палату образуют две невыбираемые курии. Первая курия – Боярская дума, по положению имеющая право участвовать в Соборе, и к ней в Соборе примыкают 2–3 правительственных чиновника (как правило, казначей и печатник). Вторая курия – Освященный собор, в который по русской традиции входит не только епископат, но и некоторые настоятели наиболее авторитетных монастырей. Верхняя палата обычно большую часть времени заседает отдельно, и председательствует в ней чаще всего царь.

Нижняя палата многочисленна и состоит также из двух курий, но эти курии уже выборные. Первая курия – в основном дворянская. Дворяне московские и дворяне земские выбирают своих представителей по двухступенной системе (с институтом выборщиков). Вторая курия – буржуазная. Она избирается аналогичным образом из представителей московских сотен и слобод и представителей провинциальных посадов. Земский собор, вопреки мнению В. О. Ключевского, можно считать парламентом безо всяких оговорок. Именно так его воспринимали и иностранцы-современники. Англичанин сообщал, что в Москве создан парламент, а поляк – что в московском сейме по некоторым вопросам идут бурные дебаты. Каковы же были функции Земского собора? Во-первых, законодательная. Все важнейшие законодательные акты проходили через Земские соборы. Это и Судебник 1550 г., и Соборное уложение 1649 г., и Земское деяние об упразднении местничества 1682 г., и менее масштабные законы. Во-вторых, Земские соборы избирали государя. Сразу же после смерти первого русского тирана Ивана IV общество властно заявило о своих правах, и законному наследнику царю Федору Иоанновичу пришлось пройти процедуру избрания. Далее избирается Борис Федорович Годунов, Василий Иванович Шуйский, Михаил Федорович Романов, его дети. Последнее избрание государя Собором состоялось в 1682 г. Тогда на правах соправительства были избраны цари Иван V и Петр I. Земские соборы имели также

власть низлагать государя. Известен один исторический прецедент – низложение в 1610 г. профессионально непригодного царя Василия Шуйского.

В-третьих, Земские соборы решали вопросы присоединения новых территорий, а также вопросы войны и мира. Например, Земский собор отверг принятие в подданство Азова, захваченного донскими казаками и предлагавшегося ими царю Михаилу. А в 1653 г. Земский собор дал согласие на принятие в подданство гетмана Богдана Хмельницкого с подвластными ему гетманскими территориями Малой Руси.

Земские соборы созывались формально указом царя, но часто по инициативе сословий. Так, по инициативе сословий был созван Собор 1646 г., а затем – через два года – и Уложенный собор. Земские соборы имели тенденцию превратиться в постоянно действующие. Предложение превратить Земский собор в постоянное собрание с годичным сроком полномочий депутатов вносилось в 1634 г. стряпчим Иваном Беклемишевым, однако было отвергнуто. По всей вероятности, подобная общественная реакция объясняется тем, что пребывание на Земском соборе для его участников было достаточно обременительно, а Соборы и так заседали в то время каждый второй год.

Как уже отмечалось, правовые тенденции на русской почве были развиты слабее, чем в Западной Европе, а тем более в Византии, и произвольное перемещение черт визан-

тийской автократии на русскую почву в XVI в. вне развитых правовых традиций дало нам первую тиранию. Примерно то же можно сказать и в отношении развитости правосознания во всю допетровскую эпоху. Тем не менее, правовые тенденции у нас имели место и весьма знаменательные. Например, уже в Судебнике 1550 г. содержится статья, ограждающая от произвольного внесудебного ареста. Таким образом, она появляется почти на 130 лет раньше знаменитого английского Habeas Corpus, датируемого 1679 г.

Петровский бюрократический переворот и его последствия

Замечание В. О. Ключевского о том, что петровские реформы были связаны с войной, военными задачами, военной необходимостью, справедливо. Его можно распространить почти на весь корпус петровских реформ, но с незначительной поправкой: речь должна идти, как кажется, о военно-полицейской необходимости. Обратим внимание на реформы по управлению.

В 1708 г. Россия делится на 8 тяжеловесных трудноуправляемых гигантских губерний. Чем это обусловлено? Только что проходит Астраханское, а затем Булавинское восстания, и Петр I просто создает достаточно мощный репрессивный аппарат, который позволит правительству не отвлекаться на подавление еще каких-либо восстаний.

В 1711 г. учреждается Сенат. Это непосредственно связано с войной, ибо первоначальный Сенат – своеобразный регентский совет для управления Россией в отсутствие царя, который отправлялся в свой злополучный Прусский поход.

В 1718 г. проходит реформа центрального управления. Создаются коллегии (сперва 8, затем 11). Несомненно, на бумаге коллегии выглядят значительно стройнее, чем старая московская несколько громоздкая система приказов, учреждавшихся по мере возникновения надобности в них. Но так

коллегии выглядят лишь на бумаге. Создание системы коллегий – прямое административное фантазирование. Они никак не были соотнесены с нуждами территорий, что вызвало печально известную волокиту в небывалых размерах, т. е. резкое замедление принятия решений, и не могло не вызвать значительного роста административного аппарата. Причем интересно, что особенно растет низовой аппарат. При этом, несмотря на стремительно возросший государственный бюджет и, следовательно, чудовищный налоговый пресс, давивший на сословия, чиновникам стали меньше платить. И по изящному предложению А. Д. Меншикова Россия, видимо, становится первой страной в истории с узаконенным взяточничеством – низшие канцеляристы, не имевшие чина, официально получают право и тем самым обязанность «кормиться акциденциями».

Народ, безусловно, отвергал петровские реформы. Приведу малоизвестное наблюдение.

С 1703 по 1709 гг. через русскую армию прошло 230 000 человек, а убыль убитыми, ранеными, пленными, больными составила за этот период 110 000, т. е. почти половину. Обращают на себя внимание очень высокие небоевые потери. Документы фиксируют слишком большое число умерших вследствие поноса. Конечно, за поносом, упомянутым в документах, может скрываться дизентерия и, что гораздо серьезнее, холера. И все же эта цифра изумляет. Но она становится объяснимой, если предположить с большой до-

лей вероятности, что в нее входит и значительное число дезертиров. Начальство, не желая отвечать за разбегающиеся в полном составе роты, списывало убыль состава «за смертью от болезней». Таким образом, пойманный «мертвец» уже не отправлялся на мучительную смерть как дезертир, а как бродяга еще раз попадал в солдаты, где имел, естественно, шанс еще раз скончаться от поноса.

Разумеется, дезертируют из любой армии. Но в русской армии проблемы массового дезертирства никогда не было ни до Петра I, ни после (по крайней мере, до зимы 1916 г.). Ее не было даже в войнах Екатерины II и в войнах XIX в., то есть в эпохи, когда армия комплектовалась рекрутским набором, а рекрутчина всегда воспринималась любой крестьянской семьей как большая беда. Однако при Петре I эта проблема была.

Петр I нанес чудовищный вред демократическим традициям России. И дело вовсе не в том, что перестали созываться Земские соборы. Через подобные эпохи проходили и западные державы, уже знавшие средневековый парламентаризм. Так случилось в эпоху Абсолютизма, когда сословные представительства ослабевали, а иногда и исчезали. Но в дальнейшем с развитием тенденций формирования гражданского общества парламенты возвращались на свои места. Однако Петр I уничтожил необходимую основу любой демократии – самоуправление, низовое земство. В этом, а отнюдь не в исчезновении Земских соборов – главный

вред.

Не меньший вред нанесло и петровское западничество. Пройдя через свой абсолютизм и свою тиранию, английский парламент остался английским парламентом, шведский риксдаг – шведским риксдагом, как и испанские кортесы. А благодаря западным тенденциям, Земские соборы и земское самоуправление стали после Петра I относиться как бы к нашему «непросвещенному» прошлому, и попытки восстановления представительных учреждений пошли по пути копирования зарубежных образцов, что всегда неизмеримо вреднее, чем восстановление собственной традиции.

Тотальная бюрократизация могла опираться только на мощный репрессивный аппарат и заметные репрессивные тенденции. Петр I был одержим идеей контроля, поэтому создал две параллельных системы: гласных контролеров, которые назывались ревизорами, и негласных, носивших имя фискалов. С этого момента термин «фискал» становится на века ругательством в русском языке. Но система эта работала плохо.

В характере русского этноса неискоренима неприязнь к бюрократической системе и бюрократам. Ее не смогли уничтожить XVIII, XIX и XX века, с его тотально бюрократизированной советской властью. Русскому человеку свойственно уважение к монархам, иногда чрезмерное. И русский человек весьма не лишен уважения к аристократам. Не слу-

чайно в простонародном использовании не было ни слова «шляхтич», обычного в первой половине XVIII в., ни слова «дворянин». Знатного человека называли «барин», т. е. «боярин», аристократ, носитель аристократической традиции и аристократической ответственности. Таким, собственно, и хотел видеть русский человек своего вождя. У русского человека полностью отсутствует пиетет к государственному служащему, которого он старается не замечать. Если же это невозможно, чиновник, даже и порядочный, вызывает у него раздражение.

Петр I создал тотальную бюрократическую государственную систему, явившись в этом вопросе глубоким последователем Гоббса. Но общество сопротивлялось. И основной реакцией стала не менее тотальная коррупция. Ведь когда из политической системы изымаются законные неформальные связи (условие существования и аристократии, и демократии), общество замещает их незаконными неформальными связями, т. е. коррупцией.

Есть и еще более серьезные последствия уровня историко-культурного. В. О. Ключевский подробно описал, как Петр I из пяти различных категорий податных людей создал одну – категорию крепостных крестьян. Однако Петр I также поступает и с аристократией. Его бюрократизация и в особенности знаменитая «Табель о рангах», призвана социально ликвидировать аристократию, смешав ее с низовыми служилыми людьми. Боярство и дворянство – если уж

не два сословия, то, безусловно, две совершенно самостоятельные социальные страты до Петра I. А «Табелью о рангах» Петр I низводит аристократа до уровня провинциального дворянина. Таким образом, Петр I, как и подобает тирану, выступает в роли упрощителя системы (еще раз обратим внимание на универсальное правило К. Н. Леонтьева: «Всякое упрощение – всегда деградация»).

Дальнейшие тенденции XVIII века

XVIII в. проходит под знаком лишения не только политических прав, но и значительной части гражданских прав основной части русского населения – населения крестьянского. Это вызывает все большую социальную поляризацию, противопоставление дворян недворянам. Западнические же тенденции эту поляризацию усиливают, так как дворянам, все теснее соотнесенным с другим суперэтносом – западноевропейской культурой, оказываются противопоставлены не только крестьяне, но и мещане, и богатейшие купцы, и все духовенство.

Вместе с тем бюрократическая система ослабевает. Неформальные связи разъедают ее подобно ржавчине. Наконец, в царствование Екатерины II, помимо незаконных неформальных связей, возникают и вполне законные – выборные провинциальные должности, правда, далеко не те, что были в допетровской России.

Они чисто дворянские и замещаются по дворянским спискам дворянскими кандидатами (например, судебские должности). И все-таки это положительная социальная тенденция.

В царствование Павла I делается попытка расширить круг полноправных граждан. Именно при нем свободу от телесных наказаний получают: духовенство, купечество, почет-

ные граждане, т. е. наиболее авторитетные категории недворянского населения. Более того, при Павле I создается и выборный Государственный купеческий Совет. Обладая небольшими полномочиями, он, тем не менее, решает многие вопросы, представляющие интерес для купеческого сословия. Этот демократический опыт был весьма перспективен. Но Совет был упразднен в следующее царствование.

XIX век и его социальные тенденции

Открывающее собой новое столетие царствование Александра I ни демократическим, ни правовым тенденциям никакого хода не дает. И хотя эта эпоха знает ряд проектов по воссозданию самоуправления и даже возвращению с ограниченными функциями парламентаризма (проект графа Н. Н. Новосильцева, проект графа М. М. Сперанского), все они остаются на бумаге и известны лишь узкому кругу лиц. Конституционные проекты, созданные в декабристской среде, удручают своей убогостью, ибо срисованы с западных образцов, причем весьма невнимательно. Однако самое главное – в обоих вариантах, и в конституционно-монархическом, и в республиканском – внимание концентрируется на создании выборного элемента высшей власти, а не на развитии муниципализма. Т. е., по сути дела, ни проект Конституции Н. М. Муравьева, ни «Русская правда» П. И. Пестеля демократическими не являются даже в малой степени. Не соотносены они никоим образом и с русской традицией.

Первые шаги в этом направлении делаются при Николае I усилиями его выдающегося министра графа П. Д. Киселева. По долгу службы занимаясь планомерным улучшением положения государственных крестьян (крестьян не помещичьих), Киселев воссоздает и их волостное самоуправление. Делается это в рамках подготовки освобождения крестьян,

как образец (все остальные крестьяне по мере освобождения должны получить такое же самоуправление). Данный пример часто забывают, а ведь это очередной этап в укреплении муниципальной традиции.

Еще меньше хорошего можно сказать о состоянии суда, судопроизводства, которое непосредственно влияет на состояние правосознания в обществе. Более полутора столетия до эпохи Великих реформ Россия знает только полицейский суд. Состязательное судопроизводство забыто. Об участии, каких бы то ни было, избранных представителей общества в судебном процессе никто не вспоминает. И все это происходит на фоне довольно жестокого законодательства.

В XVII в. русское законодательство знало примерно 40 казусов, могущих повлечь за собой для правонарушителя смертную казнь. По сравнению с нами куда более «прогрессивная» Франция знала примерно 100 подобных казусов. Петр I круто исправил дело – итогом его царствования стало 140 казусов, ведущих к смертной казни. Правда, практика судопроизводства и нежелание целого ряда правителей подписывать смертные приговоры (первой была императрица Елизавета Петровна, не утвердившая ни одной смертной казни за свое 20-летнее царствование) несколько смягчили российскую пенитенциарную систему, что впоследствии отмечал М. Е. Салтыков-Щедрин. Тем не менее, такая ситуация, конечно, вела к значительному снижению правосознания сравнительно с допетровскими временами.

Эпоха великих реформ

«Великими реформами» в исторической науке принято называть реформы императора Александра II, заслуженно получившего прозвище Царя-Освободителя. Его реформы, безусловно, грандиозны. Начавшиеся освобождением крестьян в 1861 г., эти реформы продолжаются вплоть до проведения военной реформы в 1874 г. и имеют тенденцию к продолжению.

Надо сказать, с точки зрения социокультурной, аграрная реформа была проведена крайне неудачно. Дело в том, что уже с XVII в. помещичий крестьянин был прикреплен к земле, не мог от нее избавиться и не мог ее покинуть. Но обрабатывал он землю, которая состояла из двух наделов. Один надел предоставлялся ему барином, и на этот надел никто не мог посягнуть: ни правительство, ни сам барин, ни сельское сообщество. Другой надел предоставлялся ему сельской общиной и мог по сельскому приговору перераспределяться. Таким образом, будучи крепостным, крестьянин все-таки мог сам распоряжаться одной частью предоставленной ему в надел земли.

А с проведением аграрной реформы вся земля передавалась в общинное пользование. Община, как и прежде, оставалась вправе по сельскому приговору перераспределять наделы. Таким образом, став свободным, крестьянин

уже полностью терял право распоряжаться своей землей. Весь его надел целиком теперь принадлежал общине. Кстати, Н. М. Карамзин (несомненно, подлинный либерал) еще в начале XIX в. возражал против скоропалительного освобождения крестьян именно потому, что предвидел такое изменение положения крестьянина как хозяина, а, следовательно, в большой степени и как гражданина.

К сожалению, почти все тогдашнее общество было сторонником сохранения общины. Революционеры и радикалы видели в общине зачатки грядущего социализма. Бюрократы стремились сохранить общину как элемент полицейского давления (по принципу круговой поруки). Оказавшие сильное влияние на ход реформ, славянофилы поддерживали общину как исконную земскую традицию, просмотрев, что община уже изувечена двухвековым крепостничеством. Против общинного надельного землевладения выступали только либералы-западники. Как раз в этой ситуации они были правы, но остались в меньшинстве. И распутывать данный узел, препятствующий воссозданию гражданского общества в России, пришлось уже в начале XX в.

Однако другие реформы Александра II были проведены значительно удачнее. Это были земская, городская, военная и судебная реформы. Причем первые две можно считать одной реформой – реформой, вновь устанавливающей самоуправление.

Воссозданная в 1862–64 гг. низовая демократия была

весьма ограничена. Более того, положив руку на сердце, можно смело утверждать: она была даже ограниченнее демократии XVII в. И все же это была демократия. Она была ограждена довольно жесткими цензами. Цензы гарантировали в земских учреждениях сохранение позиции помещиков. Так, избирательные нормы для землевладельцев были наиболее свободными, для городских домохозяев уезда – жестче, для крестьян – еще жестче. Можно считать недостатком и то, что в уездные земские учреждения землевладельцы и городские домохозяева избирали своих представителей на одностепенных прямых выборах, а крестьяне – на двухстепенных (сначала на волостной уровень, а только затем на уездный). Соответственно подобные выборы в губернские учреждения для первых двух курий становились двухстепенными, а для третьей – трехстепенными.

Все это так, и все это оправдано и культурно, и социально. Ввести равенство представительства в середине XIX в. означало полностью растворить самый культурный элемент общества – элемент дворянский – в крестьянском море. Это было бы резким разрушением пусть не самых удачных, но все-таки уже сложившихся традиций, разрушением петровского масштаба. И, тем не менее, в земских учреждениях дворяне, мещане и крестьяне впервые после полуторавекового перерыва стали заседать вместе и вместе решать дела, представлявшие интерес для всех них.

Земская реформа за первые полвека своей истории да-

ла блистательные результаты. В России значительно улучшились дороги. Дворянские выборные учреждения екатеринского времени дорогами совершенно не способны были заниматься, а многосословные земские учреждения занимались со вкусом, с интересом. Россия в начале XX в. имела одну из лучших в мире систем агрономического и ветеринарного обеспечения, уступая лишь Италии, а этим занимались только земства. Россия резко улучшила свою систему здравоохранения, о чем любой образованный человек знает из беллетристики А. П. Чехова и М. А. Булгакова. Но, пожалуй, самыми грандиозными были успехи в области народного образования.

Еще А. С. Пушкин писал, что конфискацией церковных имуществ Екатерина II погубила дело народного образования на 100 лет вперед. И действительно, епархии и монастыри вынуждены были закрыть свои школы, которые не на что стало содержать. Представители дворянского сословия постепенно оказались втянутыми в светскую систему обучения. Со временем и духовенство нашло выход за счет развития системы духовных училищ и семинарий. А вот крестьянин XVIII и XIX вв. гораздо чаще неграмотен, чем в XVII в.

Теперь земства открывают школы. В основном, это двухклассные народные училища, а иногда и одногодичные школы грамоты. В результате процент грамотных стремительно возрастает. К 1908 г. в России ежегодно вводится по 10 000 школьных зданий. В 1908 г. принимается первый в нашей

истории Закон о всеобщем обязательном начальном образовании. Кстати, в начале XX в. большинство начальных школ уже четырехклассное. Правительство этим, конечно, занималось. Этим занимались и церковные инстанции. Однако пример показывали именно земства, они задавали тон. Больше всего открывалось земских школ.

Земства, несомненно, способствовали увеличению числа ответственных граждан, которые, имея опыт в части самоуправления, тем самым имели опыт нормальной политической деятельности. Заметим, что император Александр II был убит народовольцами именно в тот момент, когда готовился подписать указ о созыве Государственной Думы, что добавило бы к монархической и аристократической составляющим верховной власти в России еще и демократическую составляющую. Это в 80-е гг. прошлого века уже было вполне уместно. Ведь прошло 20 лет с момента начала реформ. 20–25 лет – исторически возраст поколения. Т. е. как раз сложилось поколение людей, которые могли бы занять кресла в восстановленном российском парламенте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.